

слѣдную значительно возвышенную — Кукү-моритѣ. Ширина описываемыхъ горъ простирается до 10-ти верстѣ; приблизительно въ серединѣ, у главной оси горъ, тѣсна выражена наиболѣе типично; здѣсь вертикальные обрывы состоятъ изъ причудливо обточенныхъ гранитовъ съ заплатами кристаллическаго известняка и поднимаются на значительную высоту. Въ западной окраинѣ или подножьи горъ залегаетъ кварцевый порфиръ, а по ребрамъ или вершинкамъ восточной — порфировая брекчія. Въ самой тѣснинѣ дорога развѣтвляется на нижнюю и верхнюю; нижняя, прямая, безводная, верхняя же круглая, но зато обезпеченная водою; мы направились по верхней дорогѣ.

Такъ какъ мы оставили нашу стоянку въ полдень, то на окраинныхъ высотахъ пройденныхъ горъ пришлось разбивать бивуакъ уже при меркнувшихъ лучахъ заходящаго солнца съ тѣмъ, чтобы на этомъ пустынномъ, безотрадномъ урочищѣ имѣть только ночлегъ и раннимъ утромъ слѣдовать дальше. Пользуясь открытымъ горизонтомъ, я набросалъ впереди лежавшую мѣстность, представившуюся таковой: между двумя цѣпами горъ, скрывающимися на востокъ за горизонтъ, залегала глубокая, обширная долина, на днѣ которой серебристо блестяли солончаки, обнаруживающіе мѣсто самого озера. Сѣверная, пониженная и расчлененная цѣпь горъ, обращенная къ намъ своей полуденной стороною, выглядѣла темной, безжизненной, изсушенной лѣтнимъ жгучимъ солнцемъ. Южная, главная цѣпь хранила характеръ сплошнаго, мѣстами высоко поднимающаго свой могучій гребень, хребта, въ особенности въ вершинахъ Хара-цзарга, на меридианѣ озера, и Бурханъ-Будда на крайнемъ юго-востокѣ горизонта удаленнаго на 180 верстѣ. Противоположный край долины оканчивался плоской возвышенностью, надъ которой въ воздухѣ висѣла сѣровато-желтая дымка. Солнце между тѣмъ спустилось за горы, зардѣлась заря, разливаясь по небу радужными красками и вся сосѣдняя окрестность, окутавшись сумракомъ, погрузилась въ безмолвіе.

Для слѣдованія съ караваномъ нами была избрана верхняя дорога, пролегающая по покатой отъ Алтаинъ-нуру полосѣ, на которой произростала порядочная степная растительность и кое-гдѣ имѣлись или колодцы, или выбѣгающіе на дневную поверхность родники, служившіе пристанищемъ для кочевниковъ. Однако, чтобы имѣть остановки въ подобныхъ мѣстахъ, намъ приходилось дѣлать большіе и очень утомительные переходы; пуще всего насъ удручало однообразіе и монотонность обширной долины, гдѣ разстояніе по виду страшно сокращается противъ дѣйствительности. Покатость,